

Е. В. Вавилин, В. А. Бабаков

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА
В РЕАЛИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Монография

СТАТУТ
МОСКВА 2025

УДК 347 + 342 + 340
ББК 67.404 + 67.401 + 67.0
В12

Авторы:

Вавилин Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке (разд. 1);

Бабаков Владимир Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии (введение, разд. 2–5).

Рецензенты:

Голубцов Валерий Геннадьевич — доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета;

Родионова Ольга Михайловна — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

**Вавилин Евгений Валерьевич,
Бабаков Владимир Алексеевич.**

В12 Гражданско-правовая защита интересов государства в реалиях цифровой трансформации общественных отношений: монография. — Москва : Статут, 2025. — 426 с.

ISBN 978-5-8354-2102-2 (в пер.)

В монографии рассматриваются как изменения в сфере участия государства в гражданских правоотношениях, вызванные цифровизацией, так и совершенствование традиционных подходов к защите интересов публично-правовых образований в контексте соотношения понятий интересов государства, общества и личности, поиска их баланса.

Важность обеспечения цифровой трансформации в рассматриваемой области в то же время оставляет актуальными вопросы соотношения государственных интересов и частных интересов лиц, его реализующих, персонификации ответственности субъектов правоотношений. Этим вопросам и посвящена предлагаемая читателю работа.

УДК 347 + 342 + 340
ББК 67.404 + 67.401 + 67.0

ISBN 978-5-8354-2102-2

© Вавилин Е. В., Бабаков В. А., 2025
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2025

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя монография посвящена как происходящим изменениям в сфере участия государства в гражданских правоотношениях, вызванным цифровизацией как всеобщей тенденцией, влияющей практически на все аспекты такого участия (в вещных, обязательственных правоотношениях и т.д.), так и совершенствованию традиционных подходов к защите интересов публично-правовых образований в контексте соотношения понятий интересов государства, общества и личности, поиска их баланса.

Двадцать первый век принес не только взрывное ускорение научно-технического развития, но и колоссальный слом устоявшихся мировоззренческих, философских, научных парадигм, заметно «перекроив» привычные экономические и социальные связи. Одним из центральных направлений развития отечественной правовой системы является пересмотр традиционных институтов гражданского права. Благодаря распространению цифровых технологий появились новые объекты общественных отношений, система объектов гражданских прав подверглась изменениям. В то же время базовые ценности, на которых основаны государство и общество, остались прежними, как прежними остались и основные проблемы.

Важность обеспечения цифровой трансформации в рассматриваемой области в то же время оставляет актуальными вопросы соотношения государственных интересов и частных интересов лиц, его реализующих, персонификации ответственности субъектов правоотношений. В ч. 1 и 2 ст. 8 Конституции РФ закреплено основание необходимости защиты частноправового интереса в гражданском обороте, а также говорится о том, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Однако если частная собственность защищается самой природой частного интереса, то государственная собственность таких естественных защитных механизмов не имеет, является «собственностью без хозяина», что должно быть скомпенсировано установлением обязанности должностных лиц по ее защите с установлением ответственности за неисполнение данной обязанности. При этом следует учитывать, что правильный выбор и правильное соотношение средств, способов и форм защиты прав являются одной из основных составляющих успешной реализа-

ции гражданских прав, свобод и законных интересов граждан в любом развитом правовом порядке.

В последнее время в цивилистической науке наблюдается повышенный интерес к исследованию проблем, связанных с участием государства в гражданско-правовых отношениях. В значительном числе исследований, направленных на выявление правового статуса государства в гражданских правоотношениях, делается акцент на необходимость усиления правовой защиты контрагентов от неправомерных действий (бездействия) государства, установления механизмов, обеспечивающих беспрепятственное привлечение государства к ответственности в предусмотренных законом случаях, расширения перечня имущества, которым государство должно отвечать по своим обязательствам, и т.д.

Указанный подход характеризуется серьезным дефектом, не отражаемым его авторами, но имеющим важное значение для успешного развития гражданского оборота. Поскольку государство представляет собой институт (и вся правовая наука, и практика, безусловно, подтверждают это), существующий за счет общества, постольку и выражать он должен интересы общества как некую результирующую разнонаправленных векторов интересов различных сил. С данных позиций представляется оправданным создание правовых механизмов, защищающих государство от необоснованных взысканий и (или) (в случае, когда требования кредитора в обязательстве правомерны) перекладывающих имущественную ответственность на виновных лиц, а не на добросовестных участников гражданских правоотношений. Однако не только в действующем законодательстве, но и на уровне теоретических концепций такие механизмы на сегодня отсутствуют.

Эффективность выражения общественных интересов государством с точки зрения правовой науки зависит от двух главных факторов: а) качества законодательства и б) его исполнения. Объективно присутствующее противоречие частноправового (индивидуального) и публичного (общественного) интереса в реализации гражданско-правовых отношений с участием государства в обозримый исторический период всегда порождало негативные тенденции в правовом их регулировании, обуславливая дисбаланс данных интересов в ту или иную сторону. В настоящее время неразвитость или отсутствие реального содержания таких важнейших (и взаимосвязанных) мегасоциальных конструкций, как «правовое государство» и «гражданское общество», влечет за собой определенное недопонимание важности реализации публичных, общественных интересов в праве. Указанное определяет и повышенное

внимание к защите интересов государства и общества в международной и национальной судебной практике, и необходимость усиления институционального воздействия гражданского права на рассматриваемую сферу. Необходима институционализация понятия власти как юридической обязанности, с акцентом на ранее не получившую должного развития в теории цивилистики ответственность субъектов, от волеизъявления которых напрямую зависят имущественные последствия участия публично-правовых образований в гражданских правоотношениях.

Другой аспект рассматриваемой проблематики связан с необходимостью эффективной реализации гражданско-правовых норм. Практическая сторона данного подхода заключается в том, что, только изучая механизм реализации права, можно в конкретике наблюдать действие права и совершенствовать те элементы правовой системы, которые затрудняют либо делают невозможным действительное, эффективное регулирование общественных отношений. В этом контексте особое значение приобретает совершенствование института правосубъектности государства и его органов как участников гражданско-правовых отношений, а также разработка собственно механизма осуществления гражданско-правовой защиты государства. Приведенный вывод обусловлен тем, что для ответа на вопрос о том, как защищать государство, необходимо ответить на логично предшествующий ему вопрос о том, что же такое государство, кем оно представлено в гражданских правоотношениях. В рамках указанного аспекта особое значение приобретает разработка института правосубъектности государства и его органов как участников гражданско-правовых отношений, а также разработка собственно механизма осуществления гражданско-правовой защиты государства.

В представленном исследовании проблемы гражданско-правовой защиты государства рассматриваются с точки зрения теории осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей с опорой на теоретико-практические разработки в области ответственности органов управления юридическими лицами (А.В. Габов), что позволяет предложить механизм, гарантирующий привлечение должностных лиц к ответственности в случаях, предусмотренных законом, и исполняющий в том числе превентивную функцию, ограждая добросовестных участников правоотношений от совершения должностными лицами государства действий (бездействия), влекущих причинение вреда.

Итогом проведенного исследования является создание такой теоретически и практически обоснованной модели механизма гражданско-

правовой защиты государства в рамках создания единой концепции участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в гражданских правоотношениях, в рамках которой решен ряд системных вопросов, связанных с унификацией законодательства о юридических лицах и публично-правовых образованиях как участниках гражданских правоотношений, прежде всего в части, касающейся правосубъектности и ответственности лиц, являющихся «конечными» причинителями вреда, остающихся актуальной и в эпоху цифровой трансформации.

РАЗДЕЛ I

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЕКТОР РАЗВИТИЯ

ГЛАВА 1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ*

Последнее двадцатилетие принесло миру не только взрывное ускорение научно-технического развития, но и колоссальный слом устоявшихся мировоззренческих, философских, научных парадигм, заметно «перекроив» привычные экономические и социальные связи. Правовая система призвана обеспечивать интересы государства и граждан здесь и сейчас, в настоящем, в праве нет сослагательного наклонения, а потому первостепенными задачами для ученых-цивилистов и практикующих юристов на сегодняшний день становятся оперативное и эффективное переосмысление, оценка наступивших изменений и реформирование правопорядка в соответствии со сложившимися социально-экономическими запросами.

Одним из центральных направлений развития отечественной правовой системы является пересмотр традиционных институтов гражданского права.

* Глава подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему: «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6. The publication was prepared as part of the work on the state assignment on the topic: «The Russian legal system in the realities of the digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)». EGISU R&D registration number: 124012000079-6.

Благодаря распространению цифровых технологий появились новые объекты общественных отношений, система объектов гражданских прав подверглась изменениям.

Действующая редакция ст. 128 ГК РФ в сравнении с редакцией от 1 сентября 2013 г. включает в перечень объектов цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права.

Цивилисты высказывают разноречивые мнения относительно правовой природы новых объектов гражданских прав и их правовой природы.

Другие значимые изменения наблюдаются в сфере договорных отношений. Специалистами активно обсуждается вопрос, подвержен ли изменениям важнейший гражданско-правовой субинститут — договор — в связи с развитием технологии смарт-контрактов в цифровой среде. В частности, можно ли считать отношения, формирующиеся в рамках указанной технологии, гражданско-правовым договором или это фактические отношения, не урегулированные правом? Какое юридическое значение имеет смарт-контракт? Можно ли считать смарт-контракт формой исполнения обязательств?

В доктрине сложилось мнение, согласно которому смарт-контракт представляет собой «юридический фантом», «используемый для автоматического достижения заданной цели» и лежащий за пределами гражданско-правовых явлений¹. Такой подход, поддержанный рядом авторитетных специалистов, имеет свои основания, он оправдан с точки зрения формальной логики.

Действительно, омонимичные термины — «смарт-контракт» (компьютерный алгоритм) и «контракт» (в юридическом смысле) породили множество заблуждений и дискуссий.

Автор технологии «смарт-контракт» Ник Сабо задумал ее как сделку, совершаемую посредством компьютерных технологий, о чем свидетельствует его определение: «Смарт-контракт — это компьютеризированный протокол транзакций, который выполняет условия контракта. Общие цели разработки смарт-контрактов заключаются в соблюдении общих договорных условий (таких, как условия оплаты, залоговое удержание, конфиденциальность и даже принудительное исполнение), минимизации исключений, как злонамеренных, так и случайных, и минимизации потребности в доверенных посредниках. Связанные с ними экономические цели включают снижение по-

¹ Суханов Е.А. Проблемы развития российского частного права: избр. тр. 2018–2023 гг. М.: Статут, 2023. 384 с. С. 80.

терь от мошенничества, арбитражных и правоприменительных издержек, а также других транзакционных издержек»¹.

Таким образом, в программном коде заложены договорные условия и обязательства. Фактически смарт-контракт является соглашением, а волеизъявление сторон выражено активизацией функции.

С другой стороны, ни одна правовая система оказалась не готова имплементировать эту цифровую технологию в правовое поле. Мировой практике известны единичные случаи легализации смарт-контракта.

Например, в Декрете Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 г.² законодательно закреплена возможность совершения (исполнения) сделок посредством смарт-контракта (п. 5.3). Причем ответственность за осведомленность о содержании сделки, выраженной в том числе программным кодом, возлагается на субъекта, совершающего эту сделку, обязанность доказать обратное тоже возложена на него. Таким образом, закон связывает со смарт-контрактом возникновение, прекращение, изменение прав и обязанностей.

Существует объективный запрос на признание технологии смарт-контракта сделкой, например, в сфере государственных и муниципальных закупок. Во всяком случае указанная технология имплементируется в гражданско-правовые отношения.

Так, Протокольное решение Экономического совета СНГ «О формировании конкурентной политики в государствах — участниках СНГ в условиях развития цифровой экономики» от 7 декабря 2018 г. (далее — Решение) содержит положение о необходимости упрощения порядка подачи заявок на участие в закупках путем совершенствования программно-аппаратного комплекса электронных площадок, внедрения системы блокчейн, смарт-контрактов и других цифровых технологий. Таким образом, осуществление прав путем использования цифровой технологии признано юридически значимым, влекущим правовые последствия. Легализация в том или ином качестве смарт-контракта в составе закупок и их переход из сферы исключительно технологической в правовую — проблема по большей части законодательной техники, нежели целесообразности ее правового применения.

¹ URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart.contracts.html> (дата обращения: 23.05.2025).

² URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716>.

Применение этих технологий Решение связывает с устранением препятствий для участия поставщиков, справедливо называет мерой по снижению коррупционных рисков и поддержки добросовестной конкуренции.

Распоряжение Правительства РФ от 3 ноября 2023 г. № 3097-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года» содержит в качестве одного из проектов стратегического направления положение о внедрении смарт-контрактов для отслеживания грузов и обмена юридически значимыми данными между участниками транспортной отрасли и органами государственной власти РФ (п. 2 ч. VI).

Основным аргументом цивилистов против признания юридической значимости смарт-контракта является отсутствие соответствующих законодательных предписаний. В этом случае, как утверждает, смарт-контракт не может быть рассмотрен как юридическая форма фактических отношений¹.

Возможен и иной подход к проблеме. На наш взгляд, на данном этапе целесообразно на законодательном уровне признать смарт-контракт сделкой. В пользу этого довода свидетельствуют следующие аргументы.

Не вдаваясь в дискуссию о понятии «сделка», мы будем опираться на определение, закрепленное ст. 153 ГК РФ, понимая под сделкой «действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей». Также под гражданско-правовым договором в соответствии со ст. 154 ГК РФ мы будем понимать двух- и многосторонние сделки.

Отмечалось, что смарт-контракт имеет все существенные признаки оферты: по форме оно представляет собой веб-страницу, которая содержит предложение заключить договор, его существенные условия². Акцептом можно считать активацию функции стороной, принимающей оферту, после чего автоматически совершается транзакция. Таким образом, вызывая функцию, субъект выражает свое согласие заключить договор.

Следует добавить, что существует технологическая возможность в смарт-контракте заложить алгоритм, позволяющий расторгать до-

¹ *Василевская Л.Ю.* Цифровые технологии в гражданском обороте: новое регулирование — новые проблемы // Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. I. М.: Проспект, 2021. С. 14–16.

² *Лукоянов Н.В.* Правовые аспекты заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов // Юридические исследования. 2018. № 11. С. 28–35.

говор при условии неисполнения обязательств одной из сторон, при этом расторжение тоже будет происходить автоматически: переведенные средства возвращаются на счет кредитора, если другая сторона не исполнила свои обязательства.

В исследованиях было обращено внимание на то, что смарт-контракт наделен соответствующими правовыми признаками, позволяющими считать его гражданско-правовым договором: способностью порождать, изменять, прекращать права и обязанности сторон, консенсуальностью, носит двусторонний характер, характеризуется взаимностью¹. При этом лица, заключившие смарт-контракт, идентифицируются с помощью частного электронного ключа, т.е. их анонимность носит условный характер.

Основные аргументы в противовес точке зрения на смарт-контракт как договор связаны с его формой. Авторы подчеркивают, что язык, форма документа не позволяют признать его гражданско-правовым договором, в связи с чем предлагается его признать формой совершения сделок².

Правоприменительная практика не признает юридическую силу смарт-контракта, т.е. не квалифицирует его как сделку, в результате которой возникают, изменяются или прекращаются гражданские права и обязанности. В обоснование указанной позиции приводятся следующие аргументы: отсутствие в смарт-контракте указания на конкретных участников договора, а также указания на конкретный предмет договора и признаки, позволяющие идентифицировать этот предмет, отсутствие ссылки на соответствующий гражданско-правовой договор³.

Между тем действующая редакция ст. 309 ГК РФ содержит норму, позволяющую признать автоматическое исполнение обязательств сторон «при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки». Для этого необходимо заключение договора.

¹ Зайнутдинова Е.В. Смарт-контракт в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2022. С. 16–18.

² Божоненко В.А. Правовая природа смарт-контракта // Договор в гражданском праве: современное развитие цивилистических институтов: сб. ст. Междунар. круглого стола, посвящ. 70-летию со дня рождения заслуж. работника образования Республики. Беларусь, д-ра юрид. наук, проф. В.Н. Годунова, Минск, 7 февр. 2024 г. Минск: РИВШ, 2024. С. 56.

³ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 мая 2023 г. № Ф06-3649/2023 по делу № А55-7445/2022.

Таким образом, для устранения препятствий использования указанной технологии на данном этапе необходимо на законодательном уровне признать смарт-контракт сделкой, определив его правовые признаки с целью обеспечить защиту законных интересов участников отношений. В связи с тем, что смарт-контракты не так широко вошли в практику экономических отношений и связаны в основном с реализацией цифровых прав и оборотом цифровых валют, отсутствует объективная возможность анализировать правовую их роль в иных сферах. Вместе с тем зарубежная практика демонстрирует распространение указанной технологии, например, в сфере аренды и продажи недвижимости, продажи предметов искусства, что позволяет предположить, что смарт-контракт способен выступать как односторонней сделкой, договором, так и формой исполнения обязательств в зависимости от характера обязательств, закрепленных в нем, их содержания, от цели и условий исполнения.

В настоящее время в отечественном правовом порядке наблюдается смена парадигмы — от традиционных правовых режимов к цифровому кодированию.

Эта тенденция уже намечена законодателем. Так, ст. 141.1 ГК РФ устанавливает, что цифровыми правами признаются «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы». Иными словами, законодатель уже наделил информационную систему возможностью установить содержание прав и обязанностей и условия их осуществления. Можно предположить, что на сегодняшний день формируется переходный этап создания машиночитаемого права.

Наиболее явные перспективы в этом отношении прослеживаются в сфере правоприменения, где отдельные функции судопроизводства можно делегировать ИТ-технологиям.

Так, к примеру, компании *ELL* и *Partnership OmniCode* подготовили совместный проект, позволяющий изготавливать электронное решение суда¹ по семейным спорам.

Компания *Cognitive Technologies* создала программы, позволяющие искусственному интеллекту (далее — ИИ) выносить решения по административным и уголовным делам².

¹ URL: <https://e-sud.ru/threads/search?cid=&tid=>.

² URL: <https://rutube.ru/video/8cf2bd880eef81837594d9a48f75f809/>.

Автоматизированное (делегированное цифровым технологиям) право (в прямом смысле цифровое, переведенное в математический машиночитаемый код) имеет ряд очевидных преимуществ: во-первых, минимизация субъективизма, исключение так называемого человеческого фактора; во-вторых, возможность автоматического применения без волеизъявления человека; в-третьих, способность совершать аналитические операции, в разы превосходящие возможности человека по скорости и объему обрабатываемой информации. При очевидном сокращении временных, материальных и человеческого ресурсов цифровое право имеет явное преимущество, что по логике должно служить стимулом к развитию указанного вида правового регулирования.

Следующая тенденция развития правового регулирования — внедрение в существующие гражданско-правовые институты отношений с цифровыми объектами и технологиями. Отношения по поводу некоторых цифровых объектов и технологий нормируются традиционными правовыми средствами, встраиваются в существующие гражданско-правовые институты, методологию.

Такой подход достаточно неоднозначный. Это становится очевидным в отношении цифровых прав. Попытка включить указанное понятие в ГК РФ под влиянием актуальной необходимости регулирования отношений в цифровой среде обернулась тем, что его правовая природа не определена, оно очевидным образом не «вписывается» в архитектуру гражданского законодательства, разрушая принятую понятийно-категориальную систему.

Так, в ст. 141.1 ГК РФ цифровые права отнесены к разновидности обязательств. При этом, как верно было отмечено, законодатель не определил, к какому виду обязательств следует его относить. При таком подходе указанная категория прав представляет собой только цифровую форму субъективного обязательственного права¹.

В связи с этим обращают на себя внимание проблемы, связанные с заключением традиционных видов гражданско-правовых договоров в цифровой форме. Опыт показывает, что решения требуют вопросы, связанные со справедливым распределением ответственности, охраной личных неимущественных прав, информационных прав, возникающих в процессе цифровизации документооборота, использования в качестве инструментов технологий «слабого» ИИ (боты и иные роботы-агенты).

¹ Сулейменов М.К. Развитие частного права в Республике Казахстан: итоги 30-летия // Частное право в странах бывшего СССР: итоги 30-летия: сб. ст. М.: Статут, 2022. С. 213–243.

Прогностический подход в праве уже сейчас позволяет выработать концепцию «сильного» ИИ в гражданско-правовых отношениях. Поэтому мировое научное сообщество обсуждает, насколько целесообразно и безопасно наделять «сильный» ИИ правосубъектностью.

Отечественная правовая система пока далека от наделения ответственностью ИИ. Так, в качестве одного из принципов нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», называет недопустимость делегирования ответственности за последствия принятия решений, в том числе способных оказать влияние на жизнь или здоровье человека, системам искусственного интеллекта. Ответственность возлагается на физическое или юридическое лицо (п. 51).

Следует учитывать, что в случае отношений, складывающихся в цифровой среде, либо по поводу цифровых объектов, не всегда очевидна доля ответственности того или иного субъекта. Подобный неспециализированный подход может восприниматься субъектами как дополнительный риск, а значит, выступать сдерживающим фактором для участия в отношениях по поводу тех или иных цифровых технологий. Гибкий подход к вопросам ответственности отчасти решил бы проблему доверия к цифровым технологиям и упростил не всегда очевидный путь определения ответственного лица.

Суть такого дифференцированного подхода выражается в том, что, во-первых, ответственность за жизнь и здоровье человека, вне всяких сомнений, должна возлагаться на физическое или юридическое лицо, причиняющее вред, равно как и соблюдение этических норм. Но применительно к сферам, где прямая угроза жизни и здоровью человека отсутствует, ответственность за последствия принятых решений можно делегировать технологиям искусственного интеллекта, при наличии страхового фонда (возможно, особой организационно-правовой формы), обеспечивающего права участников отношений, в том числе возмещение морального вреда, или материального ущерба, сумма которого ограничена законом. Такой подход может быть реализован, например, в судебной деятельности.

В настоящее время ИИ не определен в отечественном законодательстве даже в качестве объекта интеллектуальных прав, не определена его видовая принадлежность. Поэтому вопрос, считать ли технологии

ИИ комплексом технологических решений, изобретением или программой для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ), остается открытым.

Как показывает практика, для предотвращения угрозы нарушения прав, связанных с использованием ИИ, главным образом требуется выработка более детального публично-правового регулирования: налогового, административного, в том числе контрольно-надзорного, уголовного¹.

Помимо прочего, активно развиваются отношения по поводу цифровых объектов, которые никак не урегулированы законом. В первую очередь это относится к *NFT*-токенам. Представляя по своей сути код, существующий исключительно в виртуальном пространстве, *NFT*-токен попадает в число результатов интеллектуальной деятельности. Соответственно, отношения по поводу этого объекта должны регулироваться нормами части четвертой ГК РФ.

Вместе с тем ситуация относительно правового режима такого объекта весьма неоднозначная. Например, в случае если к *NFT* не привязан никакой иной объект, он сам может являться объектом имущественных отношений. Свидетельством этому является известный спор по поводу *NFT*-токена *Bored Ape NFT* («Скучающая обезьяна»), созданного на блокчейне *Ethereum*. Так, 13 мая 2022 г. Верховный суд Республики Сингапур выдал судебный запрет, запрещающий ответчику-залогодержателю каким-либо образом иметь дело с *NFT*-токеном *Bored Ape NFT* до окончания судебного разбирательства по иску².

С другой стороны, если к *NFT* привязан другой объект (цифровой или реальный), то возникает конструкция «право на право» и отношения регулируются принципиально иным способом.

Следующий формирующийся подход к развитию гражданского права — разработка ситуационного гражданско-правового регулирования, выраженного в формировании экспериментальных правовых режимов.

Наиболее активно в этой связи обсуждаются проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта.

Доктрине все же предстоит определиться с правовой природой ИИ: насколько целесообразно признавать названную технологию

¹ См., например: постановления Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23 января 2024 г. № Ф02-7539/2023 по делу № А58-4021/2023; Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 января 2023 г. № 17АП-15894/2022-АК по делу № А50-15041/2022.

² URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2022_SGHC_264.

субъектом или объектом отношений (в разных аспектах как электронное цифровое лицо, цифровой агент, виртуальное лицо по аналогии с юридическим лицом). Не останавливаясь подробно на истории развития взглядов на правовую природу ИИ, не вдаваясь в обширную цивилистическую дискуссию о роли ИИ в гражданско-правовых отношениях, следует подчеркнуть, что в силу ограниченности использования «сильного» ИИ, отсутствия практики его применения в разных сферах на данном этапе развития доктрины преобладающей точкой зрения является признание ИИ объектом прав.

Важно выяснить: каковы основания и цели признания ИИ объектом? И в этом случае — каков его правовой режим при отсутствии в отечественном законодательстве упоминания о нем в качестве результата интеллектуальной деятельности?

Также требует своего разрешения блок проблем, связанный с видовой принадлежностью договоров о создании ИИ и технологий ИИ: договор подряда или договор на выполнение научно-исследовательских работ?

Какую договорную модель целесообразно использовать при регулировании распоряжения исключительными правами на ИИ и технологии ИИ: лицензионный договор или договор об отчуждении исключительного права?

В связи с особенностями предмета договора свою специфику имеет и нуждается в детальной проработке договор управления исключительными правами на ИИ и технологии ИИ.

В российском законодательстве понятие «искусственный интеллект» впервые появилось в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, а затем было закреплено в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» (далее — Закон).

Согласно ст. 2 Закона экспериментальный правовой режим (далее — ЭПР) — это «применение... в отношении участников экспериментального правового режима специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта» в Москве. Основными характеристиками данного режима правового регулирования являются его временный характер (устанавливается на пять лет), локальность применения,

круг субъектов, для которых действует ЭПР (участники указанных в Законе отношений).

Под ИИ Закон понимает «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». Комплексом технологических решений Закон называет информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений (п. 1 ст. 2).

В настоящее время с точки зрения права ИИ и нейросети под его управлением являются комплексом технологических решений, которые охраняются с помощью особых правовых режимов интеллектуального права (авторское право, патентное право, секреты производства).

Особой остротой отличаются проблемы, связанные с регулированием применения *IT*-технологий, несущих непосредственные риски жизни и здоровью людей.

Так, с распространением биопринтных технологий возникает необходимость адаптации существующего правового регулирования к новым отношениям. С точки зрения этики и безопасности первоочередными становятся вопросы, связанные со справедливым распределением ответственности при биопечати. Считать ли ответственным создателя цифрового шаблона, производителя *3D*-принтера или оператора? Кроме того, требует решения вопрос: каков правовой режим биоматериала человека?

Упомянутые отношения требуют специального регулирования, по сути, установления особого правового режима новых объектов гражданско-правовых отношений.

При всей очевидности на сегодня доктринального перевеса сторонников традиционных консервативных подходов к действующему гражданскому праву нет, впереди ждет большая работа юристов по адаптации правовой системы к цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека, общества и государства, основанной на результатах научно-технического развития, социальных и этических требованиях. Необходимо прогнозировать возможное нивелирование, утрату существенных характеристик типов и видов договоров в результате их преобразования к практически бесконечному множеству форм электронного гражданского оборота.

Еще одна осязаемая тенденция развития гражданского права, как видим, во многом обусловленная предыдущей, — формирование наряду с классическими самостоятельными правовыми режимами новых объектов гражданских прав, в частности цифровых активов.

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций носит временный характер, устанавливается в отношении участников отношений по направлениям разработки, апробации и внедрения, предусмотренным указанным Законом.

Признается новая правовая сущность цифровых активов.

В связи с этим вполне определенно актуализируются следующие задачи.

Во-первых, необходимо выработать унифицированное правовое понимание новых явлений: цифровое право, цифровое имущество, цифровые объекты, цифровая собственность, цифровые инновации, цифровые активы, цифровые финансовые активы, цифровой рубль, цифровая валюта, смарт-контракт, электронный образ. Доктрине предстоит сформировать этот понятийный ряд, соотношения указанных понятий, выявить их правовую суть.

Кроме того, для названных объектов необходимо установить новые правовые режимы, включить их в общую систему гражданско-правового или публично-правового регулирования.

Еще одна задача в связи с этим — соотнести указанные правовые режимы с правовыми режимами вещного, обязательственного корпоративного права, интеллектуальных прав.

Важно определить, можно ли владеть, пользоваться, распоряжаться цифровым имуществом как обычными вещами или необходимо создание нового правового регулирования.

В иностранную научную литературу понятие «цифровые права» (*digital rights*) вошло как «совокупность прав человека на использование компьютера, доступ в Интернет, публикацию контента в цифровой среде, его обработку, передачу и иные права пользователей Интернета»¹. По сути этот термин обозначал конструкцию «право на право» (в настоящее время эту функцию выполняют *NFT*-токены, удостоверяющие вещные и иные права). Впоследствии понятие трансформировалось и усложнилось.

¹ Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ // СПС «КонсультантПлюс».

Как было упомянуто ранее, отечественный законодатель определяет цифровые права как «прямо названные в таком качестве законом обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определены правилами информационной системы» (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ).

Согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 259-ФЗ) цифровые права (в качестве цифровых финансовых активов) могут включать в себя «денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном... Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы».

Таким образом, с одной стороны, Федеральный закон № 259-ФЗ устанавливает видовые признаки цифровых прав, конкретизирует их по сравнению с нормой 141.1 ГК РФ. С другой стороны, не решен вопрос, какие еще виды цифровых прав регулирует гражданское право, если цифровые финансовые активы являются разновидностью цифровых прав. И какие признаки свойственны цифровым финансовым активам как отдельному виду гражданских прав, ведь как следует из установления Федерального закона № 259-ФЗ, под это понятие подпадают как обязательственные, так и корпоративные права.

Доктрине известна позиция, согласно которой цифровые права не являются новым видом имущественных прав, а представляют собой только цифровую форму реализации известных видов прав¹.

Причем, как отмечается, преобразованы таким образом могут быть обязательственные, корпоративные или исключительные права. Вещные права цифровой трансформации не подвержены².

¹ Василевская Л. Ю. Правовой режим новых цифровых объектов гражданского оборота // Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. I. М.: Проспект, 2021. С. 91.

² Указ. соч. С. 95.

Существуют определенные угрозы, связанные с использованием децентрализованного (распределенного) реестра при осуществлении цифровых прав, которые препятствуют широкому распространению цифровых технологий в сфере имущественных отношений и подрывают доверие к таким операциям.

В качестве фактора, повышающего риски субъектов, отмечают анонимность участников транзакций. Действительно, процедура идентификации участников осложнена их анонимностью в сети, но эта анонимность вполне условная. Поскольку все транзакции фиксируются в системе, скрыть их или удалить невозможно, совершающий транзакцию идентифицируется по *ID*, который находится в распоряжении реального лица — физического или юридического, а также указывает на его местонахождение.

Таким образом, идентификация того или иного лица в конкретной транзакции — проблема хотя и требующая временных и иных затрат, но вполне преодолимая.

В децентрализованной, саморегулируемой системе достоверность транзакций обеспечена самой системой, алгоритмом «если — то». Вопросы ответственности за сохранность личных данных, равно как и вопросы, связанные с имущественными правами, на настоящем этапе развития отечественного законодательства трудноразрешимы. Решить эти проблемы возможно только путем формирования программ, основанных на нормах права о защите личных данных по тому же принципу «если — то», т.е. на основе технологии смарт-контракта. Таким образом, сама система будет отслеживать попытки правонарушений и блокировать их.

Проблемы деликта при осуществлении цифровых прав, по всей видимости, на данном этапе предстоит решать путем формирования страхового фонда.

Таким образом, юристам предстоит большая работа по созданию комплекса норм, легализующих смарт-контракты, а также по формированию нового правового оформления отношений в сфере цифровых прав.

Скорее всего, наиболее продуктивным будет развитие гражданского права в русле полисистемного подхода. Идея о формировании циклических нормативных массивов, не связанных с существующими отраслями права, но оказывающих на них существенное влияние, возникающих на актуальные запросы социально-экономических условий, находит свое подтверждение в развитии законодательства о цифро-